

Дополнительные материалы
к статье см. в Личном кабинете

Александр Жолковский: Виньетки как роман воспитания

Всемирно известный филолог Александр Константинович Жолковский – давний и всегда желанный гость «Литературы». Но последняя пауза между встречами затянулась, и мы решили совместить приятность беседы с пользой прочтения.

В электронном приложении к этому номеру – большая подборка виньеток Александра Жолковского, созданной им авторской жанровой формы, органически сочетающей самые что ни на есть жизненные истории – от школьных до производственных – и виртуозные литературоведческие построения.

Хотя виньетки эти, по нынешним нормам чтения в большинстве своём должны быть отнесены к разделу: 18+, полагаем, что наше издание, предназначенное для совершеннолетних читателей и обсуждающее сложнейшие и всё усложняющиеся проблемы образования и воспитания, как раз подходящее место для опытов этого мастера той современной прозы, которая чаще всего – и очень неточно – именуется филологической.

По сути, Жолковский предлагает нам раскрепощающую прозу. Его короткие новеллы всегда возникают как художественный разряд между эстетическим и этическим, плотским и ментальным, прочитанным и прочувствованным. Эффект поразителен: без назидания, даже с озорством автор постоянно ведёт своего читателя вглубь его, читателя самосознания, порой остающегося ему самому неизвестным.

Мы попросили Александра Константиновича представить свои виньетки и ответить на несколько вопросов.

— Как появились виньетки, Александр Константинович, как они пишутся?

— Здесь, наверное, лучше всего привести моё стандартное предисловие к сборникам виньеток — «Справка» (заглавие похищено у Бабеля!).

«...На ваш запрос сообщаю, что мемуарные виньетки я начал писать в Москве более тридцати лет назад, без какой-либо мысли о публикации. Про себя я называл их “Мемуары”. Они были не только источником непосредственного удовольствия, но и способом — в момент перехода от лингвистики к поэтике — «расписаться». Поэтика требовала внутреннего раскрепощения, и мемуарные упражнения помогали. Я вернулся к ним в конце 1990-х, пройдя длинный путь дискурсивной эмансипации: лингвистика — поэтика — постструктурализм — демифологизация — эссеистика — рассказы. Но целиком от “научности” не избавился.

Не только в том смысле, что некоторые виньетки напоминают литературоведческие эссе. Дело в напряжении между верностью правде (того, как было или, во всяком случае, как я помню, как было) и свободой её презентации. Врать, преувеличивать, придумывать события нельзя, но что рассказать, а что нет, какую авторскую позу принять, — твоё авторское право. Даже в журналистике требование документальности распространяется лишь на сообщаемые факты, позволяя репортёру вольности в обращении с собственной персоной как ещё одним повествовательным приёмом.

Авторский образ виньетиста, находящийся на опасном стыке “правды” и “свободы”, — стержень жанра. Он присутствует в реминисцентной перспективе, в ма-

нере рассказывания (часто “научной”) и в рассказываемых историях. На всех трёх уровнях он проблематизируется. Мемуарист предстаёт неуверенным в фактах, повествователь — амбивалентным в оценках, а герой ставится под удар как фабульно, так и экзистенциально, оказываясь не только свидетелем и жертвой событий, но и их соучастником-совиновником. При сочинении постыдных фактов не допускается, но их и так хватает. Главное мемуарное правило — не забыть на себя оборотиться.

Не всякий вспомнившийся эпизод, любопытный исторически, этнографически или автобиографически (и забавный в устном варианте), представляет законный материал для виньетки. Критериев отсеивания много, и я не берусь их сформулировать, но мне, как правило, более или менее ясно, есть ли в эпизоде что-то “моё”, то есть, выражаясь нескромно, что-то, что именно мне стоит тревожиться описывать.

Кстати, о нескромности. В виньетках часто констатируют авторский “нарциссизм”. Но авторство вещь вообще нескромная. Особенно нахальное занятие — мемуаристика, тем более — избранный мной кокетливый завиток этого жанра. Я действительно претендую не столько на протоколирование “фактов” (и тех намертво запомнившихся словечек, ради которых по большей части предпринимается рассказ), сколько на интересность собственного в них соучастия и их ретроспективного преподнесения. Последнее состоит, среди прочего, в словесной полировке, организации сюжетных рифм, отделке заголовков, реплик, концовок и т.п. Тем самым происходит дальнейшее отстранение

от “правды”, которая всячески эстетизируется, нарциссизируется, виньетизируется.

Реванш она берёт в другом. Главную “правду” виньеток я полагаю в самой решимости написать их, и написать так, как хочется. У меня есть знакомые, которые видели, помнят и могли бы рассказать гораздо больше и лучше, чем я. Могли бы, но не могут, во всяком случае, публично. Боятся. Боятся занять позицию—идейную, стилистическую, самопрезентационную. Иными словами, боятся авторства. Авторский имидж служит не только формальным приёмом, но и той кариатидой, которая подпирает, в конечном счёте, всё здание, сама же держится мышечным усилием реального автора. Нужда в усилиях становится ощутимой, когда друзья вдруг единодушно ополчаются против какой-нибудь особенно рискованной виньетки, мотивируя это, разумеется, формальными соображениями (“не в вашем стиле”).

Но не буду преувеличивать своего авторского героизма. Виньетки написаны не с последней прямоотой (да и у Мандельштама она почему-то ассоциируется с противопоставлением шерри-бренди как бредней не менее сомнительным Мэри и коктейлям), а в условном жанре, задающем сложный баланс непосредственных впечатлений и ретроспективных оценок, фактографических констатаций и фигур речи, откровенностей и умолчаний. Умолчания, впрочем, не окончательны, или, если воспользоваться макабрическим англицизмом, не терминальны: заведён и пополняется файл, который я, с оглядкой на Ходжу Насреддина (“за тридцать лет либо я, либо шах, либо ишак — кто-нибудь умрет”), про себя называю посмертным».

— **Дай Вам Бог здоровья! Вы сделали для «Литературы» замечательную подборку своих виньеток, где можно почерпнуть немало поучительного для обдумывания сложнейших проблем школьного воспитания и образования, все вместе они читаются как роман. А есть ли у Вас идеи какой-то особой организации всего корпуса виньеток?**

— Нет, каждый раз, как я печатаю подборку в журнале или целый сборник отдельной книгой, этот вопрос встаёт, и простого ответа у меня нет. Поэтому я обычно держусь примерной хронологии, хотя выдерживать её трудно, поскольку внутри одной виньетки может быть несколько временных пластов. А в рамках такой вольной хронологии ориентируюсь на ещё один, более формальный принцип: слежу, чтобы подряд не шли слишком сходные виньетки — сходные по теме, заглавию, длине, — стараюсь по возможности разнообразить последовательность. К чему, однако, не стремлюсь, это к выстраиванию цельной, «романной» композиции. У меня даже есть интервью, так и озаглавленное «К роману меня совершенно не тянет» (<https://lechaim.ru/academy/aleksandr-zholkovskiy-k-romanu-menya-sovershenno-ne-tyanet/>).

— **В этом номере есть статья о том, как сегодня в школе читаются любовные истории в «Грозе», в «Отцах и детях», в рассказах Бунина. На эту тему в Ваших виньетках учителя найдут немало парадок-**

сального, но убедительного. Как Вы полагаете, что современные школьники должны прочесть о любви непременно?

— Такие советы — не по моей части. Но если настаиваете, я бы рекомендовал по возможности широкий репертуар: от Льва Толстого до Бунина и далее Бабеля и Лимонова, от Баратынского и Тютчева — до Высоцкого («Нинка») и Слепакова («Курица»).

— **Наш номер построен вокруг проблем чувственной природы человека, отражения его чувств в литературе, в искусстве. В своё время Вы опубликовали статью «О пользе вкуса (Чернышевский)», которую надо посоветовать прочитать всем учителям (даём её в нашем электронном приложении) как фундаментальную методическую рекомендацию. Но вместе с тем есть и минор в нынешнюю эпоху гламура: как Вы полагаете, с художественным вкусом как общекультурной доминантой покончено навсегда?**

— Я думаю, одно дело — снятие несовместимости высокого и низкого, открытие дороги всем разнообразным уровням художественного дискурса. Другое — отказ от критериев качества; на мой взгляд, хороший вкус желателен на всех уровнях, включая самые провокативно «низкие». Я недаром назвал «Нинку» и «Курицу», — это маленькие шедевры в нарочито «дурном» вкусе. Есть такой онлайн-поэт Владимир Горохов (65 кг). Он сам читает в клипах свои коротенькие стишки на темы типа дефекации и прочей гадости (например, https://www.youtube.com/watch?v=bcrpFrlA_Ak), несомненные поэтические жемчужины, буквально из г**на конфетки, а также на более отвлечённые эстетические темы (например, <https://www.youtube.com/watch?v=67HiJbDZ7u0>). Думаю, что слухи о смерти вкуса, романа, книги, культуры — модные темы для паники — слегка преувеличены.

— **Спасибо, дорогой Александр Константинович. Запомним Ваш совет: не бояться авторства!**

Где ещё читать виньетки

Эросипед и другие виньетки. М.: Водолей, 2003. 624 с.

НРЗБ. Allegro mafioso. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

Звёзды и немного нервно. Мемуарные виньетки. М.: Время, 2008. 320 с.

Напрасные совершенства и другие виньетки. М.: АСТ (Редакция Елены Шубиной), 2015.

*

О непонимании и другие виньетки... // Новый мир. 2018. № 6. С. 74-89.

«Кэзезуппе» и другие виньетки // Звезда. 2017. № 8. С. 7-27; также в Журнальном зале.

Silentium. ВИНЬЕТКА НА ЗЛОБУ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО (И НЕ ТОЛЬКО) ДНЯ // Colta.ru, 27.04.2017.

«На грани» и другие виньетки // Новый мир. 2017. № 2. С. 124-147.

Вопрос выбора и другие виньетки // Новый мир. 2016. № 5. С. 108-125; также в Журнальном зале.